

УДК 372.881.111.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДИМОСТИ

Д.В. Зыблева

*Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого,
Гомель, Республика Беларусь, zbyleva@gstu.by*

В статье анализируются отдельные аспекты «теории непереводимости»; рассматриваются пути установления переводимости на практическом уровне; выявляется зависимость перевода от типа текста и адресата.

Ключевые слова: структурно-семантическое творчество, сурсьеры, сиблисты, типы эквивалентности, фактологичность текста.

Исследование лингвистических аспектов межкультурной речевой деятельности и занимает сегодня особое место в проблематике языкознания. Перевод выполняет важнейшую социальную функцию, в связи с чем, начиная с античных времен, широко обсуждается вопрос о степени близости исходного текста тексту на другом языке, ведутся теоретические споры о допустимости буквального копирования подлинника или же использования вольного/свободного перевода для сохранения имплицуемого воздействия на реципиента.

Основы научной теории перевода были заложены самими переводчиками, которые пробовали обосновать свое право отказаться от воспроизведения буквы оригинала, поскольку это приводило порой к непонятности таких священных или образцовых текстов, как Библия, юридические и другие документы. Известны попытки сформулировать нормативные требования к переводу. Так, французский поэт и переводчик Этьенн Доле предлагал следующие принципы перевода: а) понимание содержания текста оригинала и коммуникативного намерения его автора; б) превосходное владение языком оригинала и родным языком; в) отказ от перевода «слово в слово» для сохранения содержания и формы оригинала; г) использование в переводе общеупотребительных форм речи; д) сохранение в переводе воздействия на читателя, имплицуемое в оригинале [8, 1].

В научных кругах восемнадцатого столетия получил известность спор двух ведущих литературоведов того времени Йоганна Готтшеда из Лейпцига и Якоба Брейтингера из Цюриха по поводу критики переложений на немецкий язык произведений поэта Джона Милтона швейцарским писателем и литературным теоретиком Йоганном Бодмером [4].

Для Готтшеда правильные переводы должны согласоваться с принципами нормативной поэтики. Там, где оригинал не соответствует этим правилам, переводчик должен усовершенствовать его, чтобы текст плавно вписался в литературу. Перевод должен быть полностью немецким без чужих лингвистических единиц и конструкций, без заимствований. Если перевод выполняет эту задачу, то переводимость считается достигнутой. По словам Готтшеда, в языках отражается различие в характере и образе мышления, в памяти разных наций. Это касается не только отдельных слов и фраз (например,

название обычаев, пословицы, метафоры), но и грамматических свойств, как субстантивация, словосложение, синтаксическое использование причастий. Решающим является утверждение Готтшеда о том, что немецкий язык может быть расширен за счет введения новых средств выражения, которые поначалу возможно покажутся ему чуждыми. Только тогда переводу удастся установить переводимость, потому что в каждом конкретном случае будет выясняться, насколько устойчивы модели и абстрактные концепции, а также как проявляются существенные различия и трудности при всей своей теоретической гармонии.

Другой точки зрения придерживается Брейтенгер. Он считает, что переводчик должен следовать предписанным самому себе жестким законам, не отклоняясь от основного текста в содержании, форме и природе. Брейтингер решительно выступает против изменения оригинала (например, путем приема опущений), потому что в литературном произведении все слова функциональны, представляют собой единое целое. Поскольку ни одна деталь текста не является случайной, их воспроизведение требует самой высокой точности.

Хотя позиции обоих ученых непримиримо сталкиваются и принципиально отличаются поэтическими, эстетическими и литературно-языковыми взглядами, оба они сходятся в рационалистическом понимании языка, согласно которому между языками существует принципиальная переводимость при их несоответствии один к одному. Проблема заключается в установлении переводимости на практическом уровне, а именно, как переводчики должны вести себя в отношении трудностей, возникающих из-за индивидуальной специфики видов речи и конструктивных возможностей (например, причастных оборотов). Имеет ли право переводчик передавать в целевом тексте лингвистические, стилистические и формальные особенности оригинала, нарушая тем самым нормы родного языка.

Переводимость можно понимать как переводческую эквивалентность. Для установления эквивалентности переводчику приходится проявлять гибкость, выбирая от случая к случаю методы, обусловленные типом текста, адресатом и функцией перевода.

Уже в античные времена была установлена зависимость перевода от типа текста. Так, считалось, что библейские тексты следует переводить дословно, поскольку «божье слово» является неприкосновенным. Содержание светских текстов можно было интерпретировать по смыслу. В литературных кругах древнего Рима греческие трагедии переводились относительно точно, в то время как комедии подвергались свободной адаптации. Причина заключалась в том, что поэты-трагики легче преодолевали культурную дистанцию между Афинами и Римом, чем создатели комедии, успех которых был обусловлен степенью восприятия их творчества народными массами.

Проблемы эквивалентности перевода, связанные с учетом целевой аудитории, были подвергнуты систематическому исследованию только в 20-ом столетии. В 50-х годах Жорж Мунен разработал технологию методических приемов для перевода литературных текстов. В середине 70-х годов, Катарина Райз, анализируя случаи несоответствия прагматического потенциала оригинала целевой аудитории на другом языке, приходит к выводу, что переводчик должен переработать исходный текст таким образом, чтобы сделать его доступным для понимания. Число объяснений и уточнений в переводе возрастает, если есть опасность что относительно большая часть информации в подлиннике, может быть, не понята или понята превратно. Катарина Райз подчеркивает

взаимозависимость языка и культуры и выдвигает тезис о невозможности установления переводческой эквивалентности без учета прагматических и культурных аспектов [9].

В работах по теории перевода рассматриваются такие типы эквивалентности, как денотативная, коннотативная, смысловая, динамическая, формальная, коммуникативная, прагматическая и действенная.

Термины формальная и действенная эквивалентность способствуют более глубокому проблематике межъязыковой коммуникации. Следует подчеркнуть, что под переводческой эквивалентностью не подразумеваются отношения идентичности или подобия. Идентичность здесь может быть установлена только на содержательном уровне, например, взаимнообратимое соответствие между топонимами *Teves* и *Trier*, или именами собственными *Tacite* и *Tacitus*. Однако подобные совпадения один-в-один встречаются довольно редко.

В процессе перевода чаще устанавливаются отношения подобия как на содержательном, так и на формально-эстетическом уровнях. Переводческая эквивалентность достигается только в ограниченном объеме посредством декодирования исходного текста, особенно если он простой по форме и состоит исключительно из нормативных структур и выражений. Большинство же текстов должны быть творчески переработаны переводчиком.

Условно можно выделить три типа переводчиков: сурсьеры (*Sourciers* – от фр. *source* – «источник»), сиблисты (*Ciblistes* – от фр. *cible* – «цель») и те, кто лишь по необходимости отклоняется от воспроизведения в тексте перевода значений и структур, свойственных тексту подлинника [5].

Сурсьеры (*Sourciers*) переводят оригинал, придерживаясь его формы и содержания, создавая структурно-семантическое тождество между высказыванием подлинника и перевода. В результате получается симметричный, нетрансформированный перевод. Рассмотрим несколько примеров из упражнения, предложенного в учебном пособии А. Архипова «Самоучитель перевода с немецкого языка на русский»:

1) *Wir unterscheiden drei Arten der Teilnahme an einer internationalen Konferenz:*

1а) *Мы различаем три вида участия в международной конференции;*

2) *-Delegationen mit beschließender Stimme, die von ihren Staaten zur Führung von Verhandlungen und Annahme der Schlußdokumente ermächtigt sein müssen.*

2а) *-Делегации с решающим голосом, которые должны быть уполномочены своими государствами для ведения переговоров и принятия заключительных документов [1, 167].*

В переводе 1а) применен способ синтаксического уподобления, при котором имеет место полное соответствие количества языковых единиц и порядка их расположения в обоих языках.

Перевод второго примера осуществлен с сохранением одинакового набора членов предложения и полным соответствием лексических и грамматических значений. Сложное сказуемое *должны быть уполномочены* стоит на втором месте, что объясняется нормой русского языка.

Сиблисты (*Ciblistes*) стремятся избежать интерференции и, ориентируясь на специфику целевого языка, используют структурные, семантические, структурно-семантические трансформации:

Wir traten in die Waschküchenschwüle der Straße.

Мы вышли на улицу: было жарко и влажно как в парильне [6, 36].

В данном примере переводчик описывает фрагмент действительности, отраженный в совокупном содержании исходного предложения, средствами целевого языка точно так же, как если бы он узнал его с помощью своих органов чувств. Сложное существительное *Waschküchenschwüle* (духота как в кухне, где стирают белье) преобразовано в выражение *было жарко и влажно как в парильне*. Здесь достигается эквивалентность на уровне идентификации.

Поскольку переводческая деятельность является процессом творческим возникает ряд ситуаций, когда убежденные сурсьеры и сиблисты вынуждены отклоняться от своих принципов, особенно при репрезентации поэтических текстов (сурсьеры) или научно-технической литературы (сиблисты).

Для определения рамок переводческой эквивалентности необходимо ответить на два основополагающих вопроса: всегда ли достижима переводческая эквивалентность и всегда ли она уместна и необходима.

Здесь стоит упомянуть дискуссию по так называемой «теории непереводаемости», сущность которой заключается в принципиальной невозможности тождества двух текстов на разных языках из-за уникальности и неповторимости их структур, грамматического строя и словарного состава. Это касается, в первую очередь, художественных и философских произведений, обладающих особой эстетической формой и колоритом.

Касательно первого вопроса следует отметить теоретиков языкознания и практиков перевода эпохи Просвещения, наивно полагающих полную взаимозаменяемость систем языковых знаков, потому что в основе всех человеческих языков лежат общепринятые грамматические категории. В предисловии к «Grammair générale» Николя Бозе утверждал, что находит повсюду одинаковые взгляды, принципы и универсальность общих законов языкознания. Называя «идиотизмами» некоторые различия в языках, он считал их лишь лимитированными отклонениями, поскольку все люди на земле говорят на абсолютно одинаковых языках без аномалий и исключений, несмотря на разнообразность идиоматических выражений [7, 230].

Подобных взглядов придерживались так же Антуан Арнольд и Клод Ланселот в изданной в 1660 году, «Grammair générale» пытаясь создать на базе греческого, латинского и французского языков одинаковые, действующие для всех языков в мире грамматические категории. Концепция общих логических форм была подвергнута критике Дидро, придерживающегося положения о внутренней системе самостоятельности каждого языка [7, 231].

В ранних философских трактатах Вильгельма фон Гумбольдта постулируется взаимосвязь языка и мышления. Он утверждает также, что слова одного языка не могут полностью соответствовать словам другого, поэтому переводимость текстов не может быть достигнута, поскольку каждый язык выражает «дух народа» и является не только средством передачи информации, но и определяющим способом мышления. Таким образом, перед переводчиком стоит дилемма: он должен одновременно и сохранить верность «духу» оригинала и «духу» родного языка. Эти скептические суждения были им позже несколько смягчены. Признавая универсальность человеческого духа, Гумбольдт отмечал похожесть человеческих языков [3].

Если исходить из положения, что перевод должен точно воспроизводить оригинал, возникает проблема непереводаемости по чисто лингвистическим причинам.

Переводимость, в широком смысле слова, связывают с пониманием, являющимся необходимым условием для успешной коммуникации между людьми с разным лингвокультурным происхождением. Именно перевод призван осуществить это понимание.

Непереводимость обусловлена трудностями и пределами понимания типичных, центральных, присущих определенным языковым сообществам семантических структур. Так, проблема переводимости может быть связана с количественным составом семантических полей в разных языках. Например, синонимический ряд в немецком языке для обозначения высказывания с непонятным смыслом лишь частично соответствует русскому:

ср.: нем. – *Unsinn, dummes Zeug* и русск.: - *бессмыслица, чепуха, чушь, вздор, ахинея, белиберда, галиматья, дичь, нелепость, ерунда* и др.

Следовательно, переводимость здесь будет не абсолютной, а приблизительной из-за ограничений в индивидуальном языковом различии. Переводимость с практической точки зрения понимается как возможность выразить все, что есть в одном языке, средствами другого; разница касается лишь структуры форм и их коннотаций.

Следует проводить различия между переводимостью в денотативном и коннотативном диапазонах. На денотативном уровне переводимость подтверждается полностью. При наличии пробелов в лексической системе они устраняются посредством различных методов: заимствованием слов, неологизмами, сдвигами в значении, перефразированием и др. При наличии реальностей, еще не известных в целевом языке, переводчик использует те же процедуры, которые обычные носители языка применяют в подобных случаях: принятие выражений из исходного языка, перевод заимствований (корректировка значений), создание новых выражений и значений локальными средствами.

Переводимость базируется на действительной реальности, верно или неверно отраженной в подлиннике. Степень точности передачи семантики исходного текста определяется его предназначением и уровнем фактологичности.

Переводимость условно ограничена или невозможна при доминировании отдельных коннотативных значений или языка в своей эстетической функции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Архипов, А. Ф. Самоучитель перевода с немецкого языка на русский/ А. Ф. Архипов. – Москва: Высшая школа, 1991.-255 с.
2. Gallagher, John D. Möglichkeiten und Grenzen der Übersetzungsäquivalenz/ John D. Gallagher// Kontrast und Äquivalenz: Beiträge zu Sprachvergleich und Übersetzung. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1998. – S. 2-20.
3. Humboldt, W. von. Einleitung zu “Agamemnon”/ W. von Humboldt// Das Problem des Übersetzens: Wege der Forchung VIII. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1973. – S. 71-96.
4. Koller, W. Das Problem der Übersetzbarkeit/ W. Koller// Kontrast und Äquivalenz: Beiträge zu Sprachvergleich und Übersetzung. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1998. – S. 118-134.
5. Ladmiral, R. Sourciers et ciblistes/ R. Ladmiral// Traducere navem. Festschrift für Katharina ReiB zum 70. Gebustag. – Tampere: Institut für Translationswissenschaft der Universität Tampere, 1981. – P. 287-300.
6. Латышев, Л. К. Технология перевода. Уч. пос. по подготовке переводчиков (с нем. яз.)/ Л. К. Латышев. – Москва: ТЕЗАУРУС, 2000. – 280 с.

7. Mercier, D. *Lepreuve de la representation. L'enseignement des langues étrangères et la pratique de la traduction en France aux 17ème et 18ème siècle/ D. Mercier.* – Paris: Les Belles Lettres, 1995. – P. 215-237.

8. Паршин, А. Теория и практика перевода/ А. Паршин. – Москва: RuLit, 1985. – 310 с. – Режим доступа: URL:<https://www.rulit.me> (дата обращения: 30.03.2026). – Текст: электронный.

9. Reiß, K., Vermeer, H. J. *Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie: Linguistische Arbeiten, 147/ K. Reiß, H. J. Vermeer.* – Tübingen: Niemeyer, 1984. – S. 48-52.

LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECTS OF TRANSLATABILITY

D.V. Zybleva

*Gomel State Technical University named after P. O. Sukhoi,
Gomel, Republic of Belarus, zybleva@gstu.by*

The article analyzes certain aspects of the “theory of untranslatability”; discusses ways to establish translatability at the practical level; reveals the dependence of translation on the type of text and the addressee.

Keywords: structural and semantic creativity, sources, seblists, types of equivalence, and text factuality.